

*Иллюстрации Роберта Сеймура,
Хэблота Нейта Брауна*

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бес- смертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих записок предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной пронизательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр*, В.П.Ч.П.К.** В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюела Пиквика, эсквайра, П.Ч.П.К.***, озаглавленное „Размышления об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о теории колюшки“, за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюелу Пиквику, эсквайру, П.Ч.П.К.;

* Эсквайр — звание, которое в эпоху феодализма получали оруженосцы рыцарей; с течением времени оно было присвоено чиновникам, занимающим должности, связанные с доверием правительства (например, мировым судьям, адвокатам, имеющим право выступать в суде Королевской скамьи, и др.), но в эпоху Диккенса это значение было уже утрачено и в обиходе присваивалось состоятельным буржуа; в настоящее время вышло из обихода.

** Вице-президент, член Пиквикского клуба.

*** Президент, член Пиквикского клуба.

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчёт в пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, — не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эсквайра, П.Ч.П.К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле*, — не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые последуют, буде этот учёный муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесёт свои исследования в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эсквайра, П.Ч.П.К., и трёх других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединённых пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эсквайр, П.Ч.П.К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч.П.К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч.П.К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч.П.К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчёты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробуждённые ими мысли;

* Хорнси, Хайгет, Брикстон, Кемберуэл — окрестности Лондона; первые два — к северу, вторые — к югу; в настоящее время вошли в черту города.

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашёл бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращённых прямо к лицу секретаря во время чтения приведённых выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стёклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хэмстедских прудов, ошеломивший весь учёный мир своей теорией колюшки, — восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пиквик!» — исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на уиндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно

заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — облакай они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но, когда в них облёкся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объём этой некогда романтической фигуры; размеры чёрного шёлкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придаёт своей персоне невиданный блеск новой зелёной охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревает его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что незащищен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: „Нет!“); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот

огонь угасал. Похвала людей для него — угроза поджога*, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — он открыто признаёт это, и пусть этим воспользуются его враги, — он испытал некую гордость, даруя миру свою теорию колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: „Стяжала!“ Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. („Нет! Нет!“) Всё же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почётное, хотя и сопряжённое с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты** опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут.

* Диккенс прибегает к исторической идиоме «Суинг», означающей «угроза»; вымышленным именем «капитан Суинг» в Англии нередко подписывались письма с угрозой поджога имений; письма рассылались помещикам от имени сельскохозяйственных рабочих во время аграрных волнений. Эта идиома — пример анахронизма в романе, так как протокол Пиквикского клуба помечен 1827 годом, а «суинговские» письма относятся к более позднему времени — к началу тридцатых годов.

** В эпоху Диккенса междугородные пассажирские кареты вмещали четыре «внутренних» пассажира и, если багажа было мало, десять-двенадцать «наружных» на плоской крыше; один из них мог сидеть впереди на козлах, рядом с кучером, и другой — позади, с кондуктором.

(Рукоплескания, голос: „Нет!“) Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнёсший так громко „нет“, выступит и попробует это отрицать. (Одобрения.) Кто произнёс „нет“? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорблённый в своём самолюбии человек... чтобы не сказать галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) учёные исследования, и уязвлённый порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? („К порядку!“, „Председатель!“, „Да!“, „Нет!“, „Продолжайте!“, „Довольно!“, „Довольно!“)

Мистер Пиквик не даёт смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвостун! (Полное смятение, громкие крики: „Председатель!“, „К порядку!“)

Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. („Слушайте!“) Он хочет знать: неужели не положат конец недостойной расправе между членами клуба? („Правильно!“)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмёт назад своё выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всём уважении к председателю, не возьмёт своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон не колеблясь отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. („Правильно! Правильно!“) Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. („Правильно! Правильно!“)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворённым этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

